

Светлана Локтыш

Нимфа и хулиган

Голубая тетрадь

«Конечно, конечно, в полный стакан воды не нальёшь. Как могут прийти перемены, если в моей жизни много лишнего. Особенно бумаг. С них и начнем», — Алеся Афанасьевна решительно открыла все дверцы письменного шкафа и выгребла содержимое на пол. Куча заняла внушительный кусок пространства довольно просторной гостиной.

На то, чтобы протереть пыль в шкафу, много времени не понадобилось. Корешки половины книг, любимых в семье или недавно приобретенных, вскоре снова горделиво запестрели с верхней полки. Драйзеру, Диккенсу, Льву Толстому и Достоевскому теперь предстояло ужиться рядом с опусами современных авторов, а также книгами по саморазвитию, писательству, компьютерному программированию и технике резьбы по дереву.

Стопка журналов по вязанию и вышивке крестиком, значительно поредевшая и уменьшенная в объеме, отправилась на вторую полку. Сюда же вместились две симпатичные коробки с инструментами для работы. Нитки заняли место внизу шкафа, где дверцы не имели стекла.

На две свободные полки планировалось уложить то, что после пристального осмотра останется от небольшой кучки из папок, тетрадей, блокнотов и отдельных листов, возни с которыми предстояло много.

«Принцип Парето в действии: остаётся восемьдесят процентов работы с двадцатью процентами содержимого шкафа», — усмехнулась Алеся Афанасьевна и, вздохнув, села на пол, устланный толстым светло-серым ковром с крупными бордовыми пионами на одном из углов.

По привычке планировать время, тщательно вырабатываемой в последний год, Алеся Афанасьевна прикинула, что разберет завал в течение двух часов. Кое-что из бумаг уходило в макулатуру сразу, что-то проглядывалось по диагонали. И всё шло по плану — пока не наткнулась на общую тетрадь в голубой обложке. Алеся Афанасьевна пролистала ее слева направо и справа налево: все листы старательно, в каждую голубую клеточку были исписаны ровным округлым почерком. Девичий дневник.

В душе боролись два желания: завершить начатую работу и прямо сейчас окунуться в события двадцативосьмилетней давности, когда мир воспринимался совершенно иначе. А все потому, что в сердце поселилась первая любовь — огромная, свежая и яркая, как пространство после

дождя, украшенное радугой в полнеба.

Подчинившись усилию воли, отложила тетрадь на диван. В предвкушении встречи с юностью работалось быстрее. Вскоре от бумаг на полу не осталось и следа. Пылесос завершил уборку.

— На сегодня программа выполнена. Теперь можно побаловать себя, — проговорила вслух Алеся Афанасьевна и отправилась на кухню.

Пока варила кофе, подумала о том, что специально оттягивает чтение дневника. Вовсе не из-за боязни воспоминаний, хотя они и не были безоблачными. А потому, что хочется внятно, осознанно перепрожить первые несмелые чувства. И вообще, не в той ли временно й да ли истоки сегодняшней неудовлетворенности жизнью?

Да, конечно, мужу впору пристраивать на спину ангельские крылышки: все годы совместной жизни заботится о ней, о детях. Но сыновья выросли, разлетелись. У них с мужем наступило время житейского колеса: «работа-дом-работа...». Все идет хорошо, слишком хорошо, приторно-спокойно и вяло. Так хорошо, что бытовуха придушила даже ее литературные порывы, вызвав длительную прокрастинацию.

Потому и хочется перемен. Каких? Алеся Афанасьевна не знала. Мелькали мыслишки о разводе или хотя бы «пожить какое-то время

раздельно». Но ничего внятного. Вот и решила начать менять что-то с физического пространства.

Наверняка голубая тетрадь не зря попала на глаза именно в это время. В молодости все воспринимается иначе, хотя и менее субъективно, зато более эмоционально. Хотелось подзарядиться этими яркими, мощными эмоциями и вспомнить себя, юную невинную девочку. К тому же, с высоты зрелости проще расставить акценты и точки над «і» в старой истории, но она же может оказаться полезной в поиске ответа на вопрос, как теперь строить житие-бытие.

Вымыв чашку, Алеся Афанасьевна позвонила мужу: убедиться, что раньше с работы он не вернется, а значит, ближайшие три часа — в ее полном распоряжении. Отключила телефоны, как это делала обычно, когда садилась за письменный стол, и взяла в руки старый дневник. Немного помедлила, чувствуя, как внутренний волшебник переводит ее эмоции в режим приятного ожидания чуда.

Разве не чудо — первая любовь? Она приходит к каждому в свое время, неожиданно и бурно, как ураган. К ней это чувство ворвалось в образе самого хулиганистого парня в деревне, заводилы местной шпаны, рискованного и отчаянного, умудрившегося в свои восемнадцать разочароваться в девушках.

Ей тогда едва исполнилось семнадцать. После окончания школы не поступила на журфак. Чтобы не терять год, устроилась старшей пионерской вожатой в сельскую школу. По выходным ездила домой в райцентр. В будние дни оставалась ночевать со словоохотливой Петровной — одинокой бабушкой, которая на год приютила девушку в своей деревянной хатке с двумя входами. Парадный, через веранду, вёл в комнату, которую заняла Алеся. Она была просторной, в глубине стояли диван, две кровати и платяной шкаф. У центра стены, у самой двери, что вела в бабкину половину, горделиво возвышалась печь-грубка, которая зимой обогревала полдома. У этой же стены, в углу, небольшой старый холодильник хранил съестные припасы, чаще привозимые из дому готовыми. А слева от двери, окруженный с двух сторон окнами, на четыре ножки с поперечными перекладинами внизу приземлился огромный деревянный стол, сколоченный по деревенским законам и меркам. Он служил и письменным, и обеденным. Этот стол Алеся особенно любила: такой же стоял у ее бабушки, в другой деревне, куда она любила ездить в детстве.

За этим основательным, добротным столом и проводила Алеся немало времени, когда готовилась к мероприятиям и урокам или погружалась в девичьи грезы. Здесь же писался юношеский

дневник, который сейчас Алеся Афанасьевна держала в руках.

Удобнее устроившись на уютном современном диване с небольшими подушками, она, наконец, принялась за чтение, перемежая его с воспоминаниями, вызванными строками из голубой тетради.

Осенний бал

— Алеся Афанасьевна! Алеся Афанасьевна!
Когда у нас будет осенний бал?

Алеся еще не привыкла к тому, что к ней обращаются на «вы» и называют по имени-отчеству. Но так принято. Она даже не просто пионервожатая: директор узнал, что за плечами у молодой работницы — музыкальная школа, и поручил вести уроки музыки, а заодно и рисования, во вторых-пятых классах.

«Страшно начинать. Не знаю, с чего. «Ищите свое лицо!» — посоветовали нам на собрании пионервожатых. А где и как искать, не объяснили, — записала Алеся в дневнике в первые же дни работы. — Потихоньку изучаю ребят. Все такие разные, и к каждому надо найти подход. А всего три месяца назад учителя искали

подход ко мне. Вхожу в учительскую с чувством, что я — школьница».

Она в самом деле чувствовала себя ближе к детям: и по возрасту, и по мироощущению. И они признавали в ней «свою». «В школе были вожатые, так им было по двадцать пять, тридцать лет. А вы у нас такая молодая!» — восхищались ее пионеры.

Подопечные и ребята-восьмиклассники обступили ее со всех сторон: их интересовала дата праздника. Алеся хитро прижмурилась и произнесла нарочито медленно, растягивая слова, чтобы немного обуздать пыл ребят:

— К балу осени обычно серьезно готовятся. Надо сходить в лес, набрать листьев-желудей для украшения зала, подготовить культурную программу и песни. И если это бал — то не приходят просто так. Дома каждому придется соорудить себе костюм.

— Мы готовы!.. Хоть сегодня!.. Давайте в эту субботу!.. Или в пятницу... — посыпались предложения.

— До субботы не успеем подготовиться, — учительским тоном попыталась она остановить горячие головы. — Может, через две недельки? В октябре и листья будут красочнее.

Но ребят уговорить не просто: тут же заверили, что успеют, и листья найдут какие

угодно, и еще могут нарисовать. Они готовы были счастливо завизжать и броситься выполнять задания — лишь бы она согласилась.

Алесе оставалось улыбнуться и согласиться.

«Мне казалось, что после такого бала я просто поставлю «птичку»: проведено. Хотелось сделать нечто из ряда вон... И еще — волшебства, что ли. А его не случилось. Правда, ребята были счастливы и сказали, что у нас получился самый интересный бал из всех, что когда-либо проводились в школе. Наверное, я по привычке придираюсь. Или просто повзрослела...»

Волшебство в этот день все же случилось, просто Алеся об этом тогда не догадывалась. Именно в этот день началась история ее первой любви. Началась банально: каждое новое лицо, которое появляется в деревне, проходит проверку интересом коренных и «укоренившихся» жителей. Вот и новой пионервожатой заинтересовались местные парни. На осенний бал они явились без костюмов, но в остальном были полноценными его участниками: смотрели программу, аплодировали, а потом танцевали. И даже принимали участие в игре «Почта»: писали записки и отправляли адресатам с «почтальоном» — местным парнишкой из шестого

класса, на голове которого красовалась бумажная «почтовая» фуражка.

Алесе тоже пришло несколько записок с признаниями в том, что она — красивая, обаятельная и нравится. Большинство писуль с сердечками и цветочками были выведены детскими руками. Пару записок свидетельствовали о том, что их прислали повзрослевшие авторы. Один приглашал выйти в девять часов в беседку на школьной площадке, где ее «будут ждать».

Конечно же, никуда Алеся не пошла, и не собиралась. Зато всю танцевала со своими школьниками. Один из «взрослых» парней, Толик, осмелился пригласить ее на «медляк». Длинные ноги его (не зря, видимо, прозвали Буслом) путались в несложных па и несколько раз наступали на ноги партнерши. Толик краснел, потел — и от этого становился еще более неловким. Алеся явно нравилась ему.

Сама же она обратила внимание вовсе не на Толика. Весь вечер у стены простоял, насмешливо, временами даже ехидненько, улыбаясь, короткостриженный парень. Алеся украдкой поглядывала в его сторону и задавалась вопросом: что вызывает его ухмылку? Она злила, но и вызывала интерес. Возможно, именно эта улыбочка стала причиной ее сомнений, хорошо ли прошел вечер.

Во всяком случае, описывать парня Алеся принялась сразу после оценки вечера:

«Тот парень... Он какой-то не такой, как все. Неужели не скучно весь вечер проторчать у стены? Он не красавец. Но почему-то мне хотелось на него смотреть. Среднего роста, хорошо сложен, и на нем красиво сидят обычные брюки и клетчатая рубашка. Чем-то он напоминает папу: такое же квадратное лицо с тяжеловатым подбородком, такая же гордая осанка. Лишь светло-русые волосы острижены слишком коротко — у папы на фото длиннее».

Отец Алеси умер, когда ей было годика три. Она и не помнила его, разве что по фотографиям да по рассказам мамы. Зато с детства искала его черты в других мужчинах. А если находила, проникалась особенным доверием к ним.

Кто знает, может, именно оно и спасало ее в критические моменты. Легко ведь делать зло человеку, который сам проецирует себя жертвой. Гораздо сложнее — тому, кто верит в нас и не допускает тени сомнений в нашей хорошестьи.

Доверие возникло и к парню в клетчатой рубашке, несмотря на ухмылку. Наоборот, захотелось понравиться ему. А Алесе он уже

нравился.

Влюбчивой назвать себя девушка не могла. Нравились, конечно, парни и до этого, с кем-то даже встречалась. Но чаще симпатии были не сильными, а объект внимания не вызывал трепета в душе одним взглядом.

«Да, я повзрослела. И, кажется, готова влюбиться. Он — особенный...»

Лесная нимфа

— Ты заметил пионерку? — спросил Толик друга, когда их компания вышла на улицу.

— А что, я слепым кажусь? — Сергей деловито сплюнул.

— Да не, я так... — засмутился Толик. — Красивая.

— Где? Ни сисек, ни попы... Полметра сухостоя, — ухмыльнулся Сергей, тем более, понял, что к их беседе начали прислушиваться другие парни. — Баба как баба.

Толик потупил голову и замолчал. Он предложил Алесе довести ее до дома, но она отказалась. «Мы, — сказала, — с ребятами договорились идти. Нам по пути». И сейчас он искал предлог, чтобы завтра первым оказаться в

клубе рядом с ней. В том, что она придет на танцы, Толик почему-то не сомневался.

По старой привычке, их компания собиралась прежде в лесочке, что метрах в трехста от здания клуба. На танцах появлялись обычно ближе к полуночи. До этого времени ко-то раздобывал бутылку-другую самогона, и компания «подзаряжалась» градусами. Бывало, не только ими: зная о тусовке парней, рядом часто оказывались девушки.

В это воскресенье Толику было не до традиций.

— Слушай, Серый, я пойду в клуб... Вы тут без меня...

— Что-о-о? От компании отрываешься?

— Да нет... Просто желудок шалит... Не хочу пить.

— Не хочешь — не пей, нам больше будет. А клуб подождет.

— Да какой желудок?! Пионерка там... — отозвался кто-то.

Парни громко засмеялись.

— Не ржать! — рявкнул Сергей.

Полный диск луны осветил подобострастные лица честно й компании. Сергею повиновались безоговорочно: никто не желал испытывать на себе тяжесть кулаков известного забияки. В тишине он медленно произнес:

— А знаешь, что... Приведи-ка ее сюда. И пусть ее честь упадет к нашим ногам! — и картинно взмахнул рукой.

— Не смей!.. — Толик задохнулся от страха и ярости и зашипел: — Ты не посмеешь...

— Чё ж не посмею?... Еще как!

— Я не позволю! — Толик угрожающе сжал кулаки.

— Да-а-а? — Сергей презрительно взглянул на сжатые кулаки, хмыкнул, прижмурил глаза: — И что же ты сделаешь? Бросишь мне перчатку?

У Толика внутри все кипело, но вступать в открытый неравный бой он не решался.

— Она не такая... Она чистая!

— Вот придет, тогда и увидим, какая... чистая... или подстилка... Вышибала, помоги другу справиться с девушкой, — приказал он здоровенному парню, верному прислужнику.

Тот надул жвачный пузырь, лопнул его и похлопал обескураженного Толика по спине:

— Айда, Бусел!

Толик не помнил, как они преодолели эти триста метров до клуба. Он увидел Алесю сразу, в кругу танцующих. Но не спешил, собирался с духом. Музыка остановилась, и Вышибала направился напрямик к девушке. Толик поплелся за ним, проклиная гнусную компанию, тот день, когда с ней связался, и себя — за трусость.

— С тобой один чел хочет побазарить, — забасил Вышибала.

— Кто? — Алеся недовольно собрала брови к переносице. — И почему он сам не пришел?

— Потому что ты, — Вышибала сделал ударение на местоимении, — пойдешь к нему.

— Алеся, не ходите... Не надо вам туда... — краснея, затараторил Толик.

— Я сама решу, как мне быть, — строго ответила девушка. — Передайте своему «челу», что мне и здесь хорошо.

— Боишься? — чмякая жевачкой, свысока бросил Вышибала.

— Кого? Тебя, что ли? — смерила фигуру посланца Алеся. — Просто не хочу.

— Ну-ну, заливай... не хочет она... Струхнула, как последняя... — одна из рук Вышибалы вылезла из кармана штанины и неопределенно заболталась в воздухе, будто помогая подыскать нужное слово.

— Культурно разговаривать сначала научись, смельчак, — усмехнулась Алеся. — Где этот твой «чел»? Веди...

Толик рванулся к Алесе, пытаясь ее остановить. Девушка гордо вскинула голову и жестом руки остановила его.

Сергей еще издали заметил приближающуюся троицу.

— Мама дорогая, какие люди! С охраной — как и положено, — воскликнул он. Затем шепнул Толику на ухо: — Ну, вот, а ты говорил «не такая».

— Так это вы хотели со мной поговорить?

Алеся прошла мимо Сергея и подошла к костру, который весело потрескивал сучьями, протянула к нему руки. Огонь высветил ее фигурку, и Сергей увидел хрупкое тело, которое, казалось, болталось внутри легкой блузки. Он на миг замер, представляя, как изовьется оно под его руками, как высвобожденные от шпилек длинные русые волосы шелком сползут на его руки.

Алеся выжидающе повернула к нему голову. Сергей сглотнул слюну и театрально повел рукой, склонившись вслед за ней корпусом.

— Прошу к нашему шалашу, сударыня! Вам пятьдесят али сразу сто капель «беленькой»?

— Я не пью, — отрезала Алеся и отвернулась.

— А никто и не предлагает пить. Для сугреву!

— Мне не холодно, — Алеся убрала руки от огня, встала с корточек. — Так что вы хотели сказать?

Ее зеленые глаза в слабом свете ночи показались черными. И смотрели они прямо в глаза Сергея. Этот взгляд заставлял внутренне сжаться.

— И тебе не страшно? Одна, среди кучи парней, в лесу... — спросил он угрожающе, приподняв указательным пальцем ее подбородок.

Она упрямо мотнула головой, наклонила голову влево, вправо, не отводя глаз, — и ощущение непривычного дискомфорта усилилось.

— Нет, мне не страшно, — ответила ему в тон и в очередной раз окатила ледяным взглядом. — Если это все, что вы хотели узнать, я пошла.

Алеся развернулась к выходу. Сергей схватил ее за руку. Толик рванулся-было к ним, но на полпути его остановил взгляд Сергея.

— Я не разрешал тебе уйти, — он четко отчеканил слова, снова взглянув на девушку.

— А мне и не надо ваше разрешение, — спокойно проговорила Алеся, другой рукой обхватила его кисть и сняла со своей руки.

Компания оторопело смотрела то на удаляющуюся Алеся, то на Сергея, ожидая, что он бросится вслед и пресечет такую наглость. Но тот стоял бездвижимо, пока тонкая фигурка не растаяла в темноте липовой аллеи напротив парка, напрямиком ведущей к клубу.

— Серый, что это было? — Вышибала борзенько подскочил к дружбану и вручил пластиковый стакан. — Ведьма, что ли?

— Может, и ведьма. А может — нимфа, — задумчиво проговорил тот, потом тряхнул головой и поставил стакан под горло бутылки.

— Какая нимфа?

Сергей выпил водку, взял из чьих-то

услужливых рук хлеб с колбасой, откусил и только после этого ответил бодро, щелкнув Вышибалу по лбу:

— Какая, какая... Лесная!

— И что теперь? — спросил Вышибала с полным ртом, туповато мигая глазами.

— Теперь мы пойдем другим путем, — уверенно проговорил Сергей. Обычная веселость вернулась к нему. — Все равно будет моей, никуда не денется. Слово пацана!

Первый поцелуй

Солнечный лучик лениво переместился на подушку с наволочкой в мелкий цветочек, зацепил круглое, слегка курносое лицо. Алеся открыла глаза и потянулась: стрелка часов на столе приближалась к десяти.

Тихий скрип половиц отвечал осторожным шагам Петровны, которая давно не спала и тупала по хозяйству: покормила курочек и кота, сварила кашу, поела и помыла за собой посуду. Жиличку будить не решилась — слышала, что домой та явилась около четырех часов утра. «Дело молодое», — улыбнулась бабулька своим мыслям.

Алеся спрятала руки назад, под одеяло, натянула его по самый нос и зажмурила глаза, вспомнив прошедшую ночь. Неведомая сила враз